

Ростислав Александров

Ночь надвигается, фонарь качается...

Интересоваться жизнью и творчеством Якова Ядова начали после выхода повести «Время больших ожиданий» Константина Паустовского: «У нас в «Моряке» работал под псевдонимом «Боцман Яков» одесский сатирический поэт-фельетонист Ядов». Но жизнеописания его, к сожалению, лаконичны, как строка из стихотворения Маяковского – «жил, работал, стал староват». Немного дополняют их материалы, которые удалось разыскать в Одессе.

Яков Петрович Давыдов, который в Одессе жил в квартире № 15 дома на Пушкинской, 7, так давно принял псевдоним Ядов, что настоящую его фамилию знали разве что те, кто оформлял его на работу в редакции, записывал в профсоюз работников полиграфического производства, принимал в Литфонд, а потом исключал из-за того, что его «литературная продукция не имеет художественной ценности», и работники московского крематория, когда регистрировали печальную церемонию в 1940 году.

В 1875 году он родился в Киеве, считается, что на Подоле, этой «киевской Молдаванке». В 1910-х годах Ядов сотрудничал в газетах «Одесские новости», «Маленькие одесские новости», «Одесский понедельник». В этой газете, редактором которой был Петр Пильский, Ядов вел рубрику «Конфетти» и печатал в ней эпиграммы на известных людей, к примеру, на известного артиста Мамонта Дальского:

Остаток дней былых, – на диво
Он сохранился, жизни рад,
Но бродит Мамонт сиротливо
Средь копошащихся «слонят».

В 1918 Ядов печатался киевских газетах «Последние новости» и «Народная воля», в 1919-1920 годах – в старейшей и самой популярной в Крыму газете «Крымский вестник», которая выходила в Севастополе, а с января 1921-го руководил в Одессе выпуском «Окон сатиры» ЮгРОСТА.

«Окна сатиры» тогда представляли собой плакаты, нарисованные клеевыми красками на картоне или листах фанеры и снабженные короткими рифмованными подписями. Не оставляя работу в ЮгРОСТА, он начал сотрудничать в «Моряке» с первого его номера за 1921 год, вышедшего 17 февраля, и заканчивая последним от 7 октября.

С возобновлением выхода газеты в 1922 году он до отъезда на Кавказ вернулся в «Моряк». Отрывки нескольких фельетонов Ядова Паустовский привел в повести «Время больших ожиданий», остальные остались на страницах газеты. Большинство их было посвящено событиям или случаям, так или иначе связанным с морем. А критичные его замечания типа «Главрыба есть, но нет в помине рыбы», никаких результатов чаще всего не имели, но с понимающей и грустной улыбкой встречались читателями, к которым он иногда обращался напрямую:

Читатель, с вами покалякав,
Добьюсь, быть может, одного:
Представить хочет боцман Яков
Сейчас героя своего.

Всего под псевдонимами Боцман Яков и Жгут он напечатал там около восьмидесяти фельетонов в стихах и несколько больших, строчек на триста, сатирических поэм.

Печатался он и в одесском журнале «Зритель», а в феврале 1922 года приехал в Сухуми. Но где бы Ядов ни жил, он печатался в местных газетах и писал для эстрады.

В 1919 году, еще при белых, в Одессе открылось множество маленьких театров, варьете, кабаре. Респектабельное «Английское казино». Залихватское «Ко всем чертям» на Ланжероновской, 28. Претенциозное «Пале де-кристалл». Многообещающий «Наш уголок» – самое уютное место в Одессе». Комически-устра-

шающая «Синяя борода». Обнадеживающая «Золотая рыбка» – обед за 45 рублей с хлебом и услугами» на Преображенской, 48. В маленьком аквариуме там действительно плавала одинокая золотая рыбка, но посетителей больше привлекали развеселые девушки, которые иногда танцевали на столиках. В кабаре тогда дебютировали злободневными сатирическими куплетами молодые Аркадий Михайлович Гробер и Владимир Самойлович Милич, которые остались в истории эстрады под коллективным псевдонимом «Громов и Милич». Позже они уехали в Москву и так долго работали вместе, что когда я через много лет познакомился с Громовым, он первым делом сообщил, что «сейчас от меня в Москве осталась половина», потому что Милич где-то отдыхал, а они давно ощущали себя единой творческой личностью. Громов вспоминал тогда, как радовались и гордились они тем, что для них начал писать «сам Ядов», который «писал для Леонида Осиповича и Григория Марковича». Уважаемых коллег Громов называл исключительно по имени и отчеству, но тут же пояснил, что «Леонид Осипович – это, как вы понимаете, Утесов, а Григорий Маркович – как вы, скорее всего, не знаете, известный в прошлом эстрадный артист Красавин». Не уверен, что это его настоящая фамилия. Возможно, что он принял такой сценический псевдоним по фамилии Степана Красавина – персонажа пьесы Сергея Александровича Найденова «Дети Ванюшина».

Так или иначе, но имя Красавина неотделимо от имени Ядова, имя Ядова – от Красавина. В 1926 году он оказался в Харькове, где в ту пору жил Ядов. Тогда же к Красавину приехали театральные администраторы Аркадий Вольский и Борис Рейф, которые пригласили его на гастроли в Одессу. Красавин же любил поражать публику каким-нибудь номером, выстроенным на местном материале, и поинтересовался, что сейчас самое такое характерное в Одессе. Вольский и Рейф рассказали, что там по всему городу, от Городского театра на Ланжероновской до Дюковского сада на Молдаванке, с утра до вечера только и можно услышать, что «Купите бублики, горячие бублики...», и об этом очень даже хорошо бы спеть песенку. Зная, что в таком деле лучше Ядова никто не поможет, даже если захочет, они незамедлительно отправились к нему на Сумскую улицу и, пока чаевничали с его женой

Ольгой Петровной, тот отстучал на машинке текст песни на мелодию полюбившегося Красавину фокстрота.

А в 10-х числа ноября на круглых, увенчанных шарами тумбах, которые стояли на перекрестках многих одесских улиц, появились афиши: «Цирк. Мюзик-холл». 19, 20 и 21 ноября. Гастроли любимца харьковской публики юмориста-сатирика Григория Красавина». Ниже буквами помельче были напечатаны фамилии одесских артистов, которые тоже участвовали в этих концертах, в числе коих значились Глед и Гри – дуэт ритмических танцев, как называли тогда чечетку.

Под сценическим псевдонимом Глед и Гри выступали Михаил Давидович Глед, он же Гладштейн, и Григорий Абрамович Вакс, коих мне еще довелось знать в 1960-х годах. Но если с Гледом, который, давно оставив чечетку, стал фотокорреспондентом газеты «Знамя коммунизма», я был знаком, что называется, шапочно, то к Григорию Абрамовичу хаживал частенько. Я приходил к нему на Екатерининскую, 6, и мы отправлялись на бульвар. По пути говорили о каких-то незначительных вещах, потому что он всегда повторял, что «разговаривать можно и на ходу, а беседовать нужно только сидя». По ходу этих «бесед сидя» он и рассказал однажды о том выступлении с Красавиным: «Мы работали эту программу три раза, и Гриша, который всегда знал, что и когда нужно петь, исполнил «Бублики» не первым, а четвертым номером, как всегда аккомпанируя себе на скрипке. Потом ему пришлось повторить «Бублики», потому что его просто не пустили бы с арены, на которой мы выступали. Цирк был переполнен, и когда публика расходилась, то те, кто имел хоть немножко музыкального слуха, а в Одессе, как вы знаете, все его имеют, уже напевали «Бублики» – я это сам слышал, как слышу вас. А через пару дней я уже видел, как на Пушкинской угол Большой Арнаутской возле аптеки, которая и сейчас там, молодая такая женщина продавала бублики. И она не кричала, как раньше, «Бублики, только сразу из печки!», а напевала «Горячи бублики для нашей публики...». Красавин недаром вспоминал, что после концерта «назавтра «Бублики» пела вся Одесса».

Будь на то моя воля, так я бы поставил на здании цирка памятную доску или даже памятник с надписью о том, что «здесь

19 ноября 1926 года артист Григорий Красавин впервые исполнил песенку «Бублики» на слова поэта Якова Ядова». Ведь открыли же в Петербурге еще 1994 году памятник «Чижику-Пыжику», который, как в той песенке поется, «на Фонтанке водку пил». А «Бублики», право же, не менее известны. И город должен улыбаться!

Ночь надвигается,
Фонарь качается,
И свет врывается
В ночную мглу...
А я, немая,
Тряпьем покрытая,
Стою, забытая,
Здесь – на углу...

Авторский текст песни мало кто знает, потому что в таком виде ее почти не исполняли. Перво-наперво петь на эстраде все ее десять куплетов было не очень удобно и выигрышно. И очень уж остро звучали социальные мотивы, очень грустной была исповедь «несчастной торговки частной» и как-то не вязалась она с веселой мелодией фокстрота. Разные исполнители сократили текст, приглушили грусть, придумали разные варианты. И так сложилась судьба этой песни, что она оторвалась от автора, первого исполнителя, первоначального текста, города, где впервые прозвучала, страны, где родилась, и даже языка, на котором была написана. Паустовский запомнил и в повесть вставил один вариант ее первого куплета:

Купите бублики
Для всей республики!
Гоните рубрики
Вы поскорей!

Леонид Утесов пел: «Ночь надвигается, / Фонарь качается, / Мильтон ругается / В ночную тьму» у нас; Юрий Морфесси, не знаю как, но в Париже, где и записал на пластинку; Алла Баянова – в Румынии. Барбара Рыльская исполняла песню на польском языке, Мари-Луиза

Дамьен – на французском, Катри Хелена – на финском. Сестры Клэр и Марна Берри, чей дед был земляком Ядова, пек бублики на Подоле, а потом эмигрировал с семьей в США, неожиданно для публики спели эту песню в Москве, когда там состоялся большой концерт, коим было отмечено открытие американской выставки в 1959 году.

Ядов за всю свою жизнь в разных городах и при разных властях написал видимо-невидимо песен, куплетов, частушек, эпиграмм. Но если имелся у него какой-никакой архив, то после смерти жены, которая еще в конце 1950-х годов одиноко доживала свой век, куда-то заделался. Из всего написанного им сохранилось немного.

В повести Паустовского есть фраза о том, что «даже всеведущие жители города не могли припомнить, к примеру, кто написал песенку «Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая!..». Может показаться, что он имел в виду знаменитую «Мурку», но не хотел напрямую упоминать эту блатную песню и вместо Мурки поставил Любку. Похоже, однако, что Паустовский ничего не менял, а имел в виду широко известную когда-то, а потом начисто забытую песню Ядова о Любке-голубке и случившейся с ней супружеской неверности. Не исключено, что на основе этой песни были написаны бесчисленные варианты «Мурки», у которой от «первоисточника» остался лишь мотив измены, но уже не супружеской, – «Ты зашухерила всю малину нашу...». Подлинного текста Ядова нигде нет, разве что напоминает его песня, в которой Мурка уже заменила Любку:

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая!
Помнишь ли ты, Мурка, наш роман?
Как с тобой любили, время проводили
И совсем не знали про обман...

Правда, в одном из бесчисленных неизвестно кем сочиненных вариантов «Мурки» автором ее напрямую назван Ядов, но это может быть лишь отголоском расхожего мнения:

Вздогнула Одесса, закрутилась пьеса,
И гастроль я с Муркой учинил.
Дьявол из-под пресса –
Дочка ты у беса,

Ядов даже песню сочинил:
«Прибыла в Одессу банда из Амура...»

В 1930-х годах он написал песню «Смейся, смейся, громче всех», которую записал на грампластинку легендарный певец Вадим Козин, благодаря чему она пережила и автора своего, и исполнителя:

Ты смеешься, дорогая,
Ты смеешься, ангел мой.
И тоску свою скрывая,
Сам смеюсь я над собой...

Козин пел и песню Ядова «Нет на свете краше нашей Любы», которая не имеет никакого отношения к «Любке-голубке» – прародительнице «Мурки».

Нет на свете краше нашей Любы,
Черны косы обвивают стан,
Как кораллы розовые губы,
А в очах бездонный океан.

Обе песни, что называется, без претензий, но и без назойливой идеологии, ложились на слух и на душу, старые грамзаписи их еще звучат в эфире, и современные исполнители не обходят их своим вниманием.

В бумагах Утесова сохранился листочек с текстом нескольких куплетов Ядова. Один из них написан на часто обыгрываемую им тему еще с одесских времен, когда в газетах печатали извещения типа «Работникам 1-й Советской щетинно-щеточной мастерской на Польской, 18, талоны на баню будут выдаваться...» или добавляющие ко всем прочим бедам: «Ввиду отсутствия топлива бани временно не функционируют. О времени открытия бань будет особое объявление».

От среды и до субботы
В нашей бане нет работы,
От субботы до среды –
В нашей бане нет воды.

Другой куплет появился после советско-китайского вооруженного конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году, когда известный в то время композитор, уроженец Одессы Александр Александрович Давиденко написал песню на слова Демьяна Бедного, который всегда знал, что и когда нужно сочинить для благополучия собственной жизни:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
Но мы даром не сидели,
Того дожидались...

Этот, с позволения сказать, песенный шедевр так часто звучал со всех эстрад и на всех радиоволнах, что очень скоро опостылел, и Ядов отреагировал на сей факт по-своему:

На эстраде двое пели:
«Нас побить, побить хотели»,
До того они завыли,
Что действительно побили.

Не знаю, рискнул ли кто-то открыто петь эту частушку, но она разошлась и в чуточку измененном виде даже осталась в записной книжке Ильфа.

В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок» имеются авторские рассуждения о том, что «параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами». В подтверждение этого авторы сообщают: «В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики»... Время меняет многое. «Мертвые души» остаются «Мертвыми душами», но дизель-мотором теперь никого не удивишь, Днепровская гидростанция давно не являет собой энергетическое чудо и в эпоху космонавтики перелет вокруг света не вызывает интереса. А песенка «Кирпичи-

ки» из «маленького мира» поныне не забыта, и «Бублики», родившиеся в том же «маленьком мире», поют до сих пор.

Человеку не дано знать, какое событие, поступок, эпизод, станет для него судьбоносным. Ядов, наверное, не думал, что если будут помнить его, то исключительно как автора «Бубликов». И даже не снилось ему, что секретарь редакции «Моряка» Паустовский, которому он приносил свои фельетоны, через сорок без малого лет напишет о нем в своей повести.

Паустовский, по-видимому, хорошо относился к Ядову и с грустью понял, что талант его с годами растворился в житейской суете и поденной работе. Правда, иногда он пытался вырваться из рамок сиюминутных тем и веселеньких куплетов. Один из примеров этого напрямую связан с Одессой. В 1914 году Ядов вел в газете «Маленькие одесские новости» рубрику «Гримасы дня», в которой под своим «текущим» псевдонимом «Жгут» ежедневно печатал стихотворный фельетон о последних событиях в мире, в стране, но главным образом, в Одессе. Невзирая на то, что он давно уже писал рифмованные строчки со скоростью, с которой мы пишем обычные, это была изнурительная работа. И во всей этой каждодневной круговерти он вдруг написал на украинском языке и в день столетия со дня рождения Тараса Шевченко напечатал на первой полосе «своей» газеты стихотворение «Кобзарю», в котором юбилейную тему повернул в другое русло. Орфография его, правда, оставляет желать лучшего, но смысла не меняет. Стихотворение было подписано псевдонимом «Я. Д-ов», образованным от первой буквы имени и сокращенной фамилии Давыдов. Если прочитать его слитно, то получится «Ядов» – возможно, так и родился его чаще других используемый псевдоним, который с годами заменил фамилию. А стихотворение это оставалось на газетной полосе почти сто лет:

Тарасе, Тарасе, коли б на годину
Покинув ти темну свою домовину,
Та знов поглядів би на нас,
Та рідну Україну окинув би оком,
Та в хату мужицьку зашов ненароком,
Чи мало б побачив, Тарас?..

Ядов, по-видимому, видел и понимал многое. И хотя литературные достоинства его стихов оставляли желать лучшего, он все-таки старался не ограничиваться написанием пусть даже популярных песенок и пользующегося успехом у зрителей репертуара для артистов эстрады. Но с начала 1920-х годов он ничего, кроме этого, не писал, потому что не мог или просто боялся, понимая, что слово – влево, слово – вправо уже считается побегом за возведенный властью частокोल жестких идеологических догм.

В любом случае, страницы, посвященные Ядову, самые, пожалуй, трагичные в повести «Время больших ожиданий» и самые назидательные, почему и нужно прочитать их с умом в молодости, чтобы с досадой не перечитывать в старости. А то, что оказались там одна-две неточности, так это ровным счетом ничего не значит. Паустовский написал, что в 1922 году встретил в Батуми Ядова, и они обедали в ресторане, где оркестр «заиграл знаменитую песенку Ядова». Но «Бублики» появились четырьмя годами позже. И в дневниковых записях Паустовского о его приезде в Одессу в июле 1927 года осталось: «Бублики». Похоже, что он тогда впервые услышал эту песню, иначе вряд ли бы стал записывать ее название. А в записи о том, как у них дома встречали Новый год, по-видимому, 1928-й, уже отмечено, что перебравшаяся в Москву бывшая машинистка редакции «Моряка» Мальвина Хинсон пела песню «Бублики». Паустовский мог забыть, что песня появилась только в 1926 году, к тому же, по мере течения лет воспоминания как бы «спрессовываются» во времени. А мог и не забыть. В любом случае речь об ошибке не должна идти. Песня нужна была для эпизода, в котором Ядов признается, что «написать по-настоящему» уже не может, а Паустовский отвечает: «Грех вам так говорить, Яков Семенович...». Но Ядова звали Яков Петрович, и тут Паустовский действительно ошибся.

Но это, конечно, можно простить, если понимать, что писатель тоже имеет право на ошибку, поскольку он не небожитель, который является к нам своими писаниями, а такой же, как все, земной человек. Только талантливый.